

NAM HYE HYUN
Yonsei University, Seoul, Korea

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ДИГЛОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

1. ВВЕДЕНИЕ: ДИГЛОССИЯ И САКРАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКА

Понятие и термин «диглоссия» ввел в научный оборот американский исследователь Чарльз Фергюсон¹. Согласно его определению, диглоссия — это одновременное существование в обществе двух форм или вариантов одного языка, применяемых в разных функциональных сферах. Один из этих вариантов языка выступает в качестве «высокого», а другой — «низкого». Высокая и кодифицированная форма изучается в ходе формального обучения и используется в большинстве письменных и официальных устных коммуникативных ситуациях, но не используется для бытовых разговоров.

Многие ученые понимают диглоссию еще шире. Джошуа Фишман включает в диглоссию функциональное распределение двух отдельных языков². Ральф Фасольд рассматривает непосредственно в рамках диглоссии соотношение стандартного литературного языка и диалектов³. Таким образом, в широком смысле, компонентами диглоссии могут быть не только разные формы одного языка, но и еще разные стили одного языка и даже разные языки⁴. Не вдаваясь в детали этих обсуждений

¹ C.A. Ferguson, *Diglossia*, «Word» 1959, vol. 15.

² J.A. Fishman, *Bilingualism With and Without Diglossia; Diglossia With and Without Bilingualism*, «Journal of Social Issues» 1967, vol. 23, с. 29–38.

³ R.W. Fasold, *The Sociolinguistics of Society*, Wiley-Blackwell, Oxford 1984.

⁴ Спорным является вопрос о соотношении диглоссии с билингвизмом. Билингвизм (двуязычие), это сосуществование у человека или у всего народа двух языков, обычно первого — родного, и второго — приобретенного. Одни рассматривают диглоссию противопоставленной билингвизму, а другие относят

об определении диглоссии, мы исходим из более традиционного понятия диглоссии, предложенного Чарльзом Фергюсоном.

Диглоссия характерна для религиозных обществ, где высокий письменный язык обслуживает религиозное, ритуальное общение, а в других ситуациях используется низкий разговорный язык. Именно поэтому диглоссия была очень распространена в Средние века, когда латынь и арабский язык играли роль нормативного языка в разных регионах. Таким образом, диглоссия в некотором смысле связана с особым отношением к языку.

Всем известно, что диглоссия существовала и в Киевской Руси. После крещения Руси, долгое время в России церковнославянский язык воспринимался как язык общения с Богом, т.е. язык, заключающий в себе особую благодать и спасение. Следовательно, применение этого языка в неподобающей ситуации рассматривалось как прямое кощунство — точно также, как недопустимо и кощунственно было употребление древнерусского (разговорного) языка в ситуации, предписывающей использование языка церковнославянского⁵. Итак, в Киевской, а позже и в Московской Руси в быту говорили на русском языке, а в торжественных случаях, в письменности и в церкви использовали церковнославянский. Подобную языковую ситуацию Борис Успенский охарактеризовал как церковнославянско-русскую диглоссию⁶.

Как ни парадоксально, подобная языковая ситуация повторилась еще и в советский период, когда царил тоталитарный

ее к разновидности последнего. Мы считаем, что диглоссия, все-таки, отличается от билингвизма тем, что для диглоссии характерно четкое и довольно строгое функциональное распределение форм языка или отдельных языков, а в билингвизме возможно взаимное проникновение и функциональное сосуществование.

⁵ Б.А. Успенский, *Раскол и культурный конфликт XVII века // того же, Семиотика истории, Семиотика культуры. Избранные труды*, т.1, Языки русской культуры, Москва 1996, с. 480–485.

⁶ Однако, некоторые ученые не согласны с тезисом о церковнославянско-русской диглоссии, так как между ними было взаимное проникновение. Ф.П. Филин пишет: «С переносом литературы и старославянского (древнеболгарского в своей основе) литературного языка в культурной сфере Древней Руси начинается двуязычие, сыгравшее огромную роль в становлении и развитии собственно русского литературного языка. Главным в этом двуязычии было то, что [...] они активно взаимодействовали друг на друга, элементы одного языка проникали в другой, ассимилировались в нем или отторгались». Ф.П. Филин, *Истоки и судьбы русского литературного языка*, Наука, Москва 1981, с. 250.

режим, преследовавший православие. Как пишет итальянский историк Эмилио Джентиле, тоталитарный режим сакрализовал идеологию и политический режим через обожествление мифологизируемой светской организации, которую он позиционировал как главный и неоспоримый источник смысла и конечную цель жизни человека на земле, и тем самым тоталитарный режим превращался в некую политическую религию⁷. Не случайно Николай Бердяев писал, что большевизм — это лже-религия и потому преследовал все религии как конкурентов⁸. Философ Бертран Рассел тоже указывал на то, что марксизм и большевизм — это полноценная религия. В связи с этим интересно привести цитату Михаила Горбаневского:

Большевикам же было важно сакрализовать своих героев. [...] В сознание масс и была внедрена схема: вместо поклонения святым мощам — вот вам мощи, которые до сих пор лежат на Красной площади; вместо икон — пожалуйста, портреты вождей; вместо крестных ходов — манифестации; вместо литургии и псалмов — партсобрание и «Интернационал». Большевики поступили очень хитро: сакрализовали свои лозунги⁹.

Итак, при тоталитаризме публичные речевые действия воспринимались как некая идеологическая ритуализованная деятельность и происходили обязательно в определенных и заранее установленных рамках, при этом не допуская ничего непредсказуемого, что могло бы разрушить ритуал. Сказанное дает основание полагать, что сакрализация языка опять происходила и в отношении к официальному языку советских политических ритуалов¹⁰. Обращая на это внимание, некоторые ученые

⁷ E. Gentile, *The Sacralization of Politics: Definitions. Interpretations and Reflections on the Question of Secular Religion and Totalitarianism*, «Totalitarian Movement and Political Religions» 2000, № 1, с. 18–55.

⁸ Н.А. Бердяев, *Духовные основы русской революции // Собрание сочинений*, т. 4, YMCA-PRESS, Paris 1990, с. 29.

⁹ <http://afirk.ru/?bdi=78502> (22.07.2014).

¹⁰ В связи с сакрализацией языка интересно сопоставить отношения людей к революционным классикам и к Библии. Как отмечает Дарья Димке, молодые люди двадцатых годов прошлого века — бывшие крестьяне — относились к революционным классикам как к фетишу: их книги можно было потрогать, но читать было вовсе не обязательно. Такое отношение к трудам коммунистических классиков напоминает отношение русских крестьян девятнадцатого века к Библии, которую из-за непостижимости изложенного в ней, не нужно и даже вредно читать. Т.е. сакральное отношение к Библии и революционным классикам переносилось и на язык, которым были напи-

утверждают, что в советский период продолжалась диглоссия, в которой в официальной сфере общения употреблялся советский ритуальный язык, в то же время, в неофициальной сфере продолжал существовать обыденный русский язык¹¹.

Однако, этот тезис, как нам представляется, пока носит декларативный характер, не будучи подкрепленным обоснованными аргументами. В данной статье мы попытаемся предложить несколько аргументов, указывающих на диглоссию советского периода. Итак, ниже мы будем рассматривать некоторые черты советского официального ритуального языка. Далее мы обсудим явление диглоссии по отношению к ритуальному и обыденному вариантам русского языка, при этом обращая внимание на кодовое переключение между ними.

2. ДИГЛОССИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В советский период происходила всеобъемлющая ритуализация общества, поскольку новая власть хотела отмежеваться от прежнего режима посредством новых ритуалов. Соответственно, публичные речевые действия воспринимались как некая ритуализованная деятельность: всем посвященным было известно, кто, что, когда и в какой форме должен сказать, а также кто и как должен отреагировать на слова выступающего, т.е. бурные аплодисменты, просто аплодисменты, выступления в прениях, последующая организация собраний для выражения поддержки и др.¹² Типичный пример советской ритуальной коммуникации — партийные съезды или сессии Верховного Совета. Там каждый ход коммуникации был заранее тщательно спланирован, а делегаты и депутаты превращались в участников грандиозного спектакля. Ритуал захватывает и СМИ, любые публичные мероприятия, доклады, выступления. Типичные выступления начинались с обращения типа «товарищи», «граждане» и цитат из наследия «великих вождей».

саны их произведения, <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/iskrennost-dvoemyslie-novoyaz> (17.07.2016).

¹¹ В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Толковый словарь языка Совдепии*, Фолио-Пресс, СПб 1998; А.П. Романенко, *Советская словесная культура: образ риторика*, Издательство Саратовского университета, Саратов 2000.

¹² А.П. Чудинов, *Политическая лингвистика. Учебное пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов*, Флинта: Наука, Москва 2006, с. 53.

По словам Максима Кронгауза, для проведения ритуала уже не требовался обыденный русский язык, он даже в какой-то степени мешал ритуальным действиям¹³. Вследствие непригодности нормального языка для осуществления ритуала формировался новый ритуальный язык, который затем получил название «новояз»¹⁴.

2.1. НОВОЯЗ КАК РИТУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Задача словесного ритуала: «создание ощущения того, что именно такое описание реальности, и никакое иное, является единственно возможным и неизменным, хотя не обязательно верным»¹⁵. Т.е. ритуальный язык создает миф, псевдо-реальность, и поэтому в ней происходит замена оппозиции «истинный/ложный» оппозицией «правильный/неправильный»¹⁶. А высказывание признается правильным лишь, когда соблюдены ритуальные нормы. Итак, при ритуальной коммуникации смысл отодвигается на второй план, главное — сам ритуал, произнесение слов. Она почти не содержит в себе какой-либо значимой информации, а для нее важна ритуальная форма. При этом в ней не должно быть ничего непредсказуемого. Поэтому ритуальный язык предпочитает заранее известные формулы и в нем неприемлемы игровые элементы языка, которые могут разрушить серьезную и строгую атмосферу ритуала.

Такая суть словесного ритуала в большей степени определяет определенные черты ритуальной речи, призванные замаскировать реальное положение вещей. К таковым относятся «высокая степень клишированности, эвфемистичности, лозунговости, прецедентных текстов» и т.д.¹⁷. Эти единицы, в конце концов,

¹³ М.А. Кронгауз, *Бессилие языка в эпоху зрелого социализма* // того же, *Слово за слово: о языке и не только*, РАНХ и ГС Дело, Москва 2015, с. 134

¹⁴ Новояз — это калька с английского слова «newspeak», появившегося в романе-антиутопии Джорджа Оруэлла 1984. В романе новоязом называется язык тоталитарного общества, искаженный партийной идеологией и бюрократическими оборотами.

¹⁵ А. Юрчак, *Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение*, Новое литературное обозрение, Москва 2014.

¹⁶ Ю.И. Левин, *Семиотика советских лозунгов* // того же, *Поэтика. Семиотика. Избранные труды*, Языки русской культуры, Москва 1998, с. 663–664.

¹⁷ Подробнее о чертах советского новояза см. М. Wroński, *Totalitarny język komunizmu*, «Kultura» 1979, nr 12; Е.А. Земская, *Новояз, newspeak, powo-*

приводят к десемантизации, которая является необходимым условием ритуальной коммуникации, так как последней свойственна минимальная информативность.

1) Частотное употребление эвфемизмов и аббревиатур

Эвфемизмы употребляются для смягчения грубого смысла, для демагогии или просто из страха сказать истину. Если вспомнить, что одна из функций новояза заключается в завуалировании реальности и создании иллюзорного мира, то можно понять, почему эвфемистичность является характерным явлением этого языка. Например, вместо «расстрел» — «высшая мера социальной защиты»; вместо «концентрационный лагерь» — «трудовой лагерь» или «исправительно-трудовой лагерь»; вместо «преступления тоталитарной партийной диктатуры» — «последствия культа личности».

Еще одним языковым нововведением того времени была активизация аббревиации и сложных слов. См. Ревком, ликбез, рабфак, Коминтерн, «Самиздат», «Тамиздат», угрозыск, глаксахар, главбумага, главтабак. Причиной формирования множества аббревиатур является то, что сокращение значимых корней затемняет их первоначальный смысл и придает слову нужное идеологическое содержание. Поэтому многие аббревиатуры символизировали советский период, входя в состав наиболее употребляемых прецедентных текстов типа СССР — оплот мира, Слава КПСС.

2) Формирование клише и лозунгов

Ритуал не допускает ничего непредсказуемого, все в нем должно быть четко predetermined. Поэтому ритуализованный язык нуждается в клише и лозунгах, как в уже выверенных формулах. Лозунги и клише обычно формируются путем соединения понятий, которые в обычной речи синонимами не являются. Такое соединение понятий Патрик Серио назвал «сочинением» и охарактеризовал его как одну из главных черт советского политического языка. В результате этого огромное количество понятий, в конечном счете, оказывается как бы синонимами друг

това... Что дальше? // Е.А. Земская (ред.), Русский язык конца XX столетия (1985–1995), Языки русской культуры, Москва 1996; Нам Хе Хен, Рефлексы новояза в современном русском языке, «Studia Slavica in Hungaricae» 2014, вып. 29(2).

друга, чем и навеивается идея об их действительном соотношении «в жизни»¹⁸. См. Партия и народ; Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи; Говорим Ленин — подразумеваем Партия, говорим Партия — подразумеваем Ленин. Лозунги, будучи доступными для восприятия, не требуют никакого осмысления, и как пустые риторические реплики, не обозначают никаких реальных действий. Однако, они нужны были тоталитарной власти, так как с их помощью осуществлялась манипуляция массовым сознанием.

3) Прецедентный текст

Ритуализация языка ведет к формированию языкового сознания примитивного человека, который не стремится к сложным мыслительным операциям. Этому процессу способствуют прецедентные тексты, облакающие то или иное идеологическое предписание в готовую речевую форму. Поэтому тоталитарный язык располагает массивом политических прецедентных текстов — высказываний первых лиц советской страны, революционных лозунгов, фрагментов из произведений революционных писателей и поэтов. См.: Религия есть опиум народа (Маркс), Быть революционером значит ломать все вредное, отжившее самым решительным, самым беспощадным образом (Ленин), Мы — партия марксистов-ленинцев (Сталин).

* * *

Итак, тоталитарный язык был перегружен идеологическими штампами, лозунгами, прецедентными текстами, на базе которых формировались мифы тоталитарной эпохи. См. в нижеприведенном примере, как эти единицы формируют триумфальность, победность — специфический колорит тоталитарного языка¹⁹.

(1) XXIV съезд КПСС, 31 марта 1971 г., речь товарища А.В. Смирновой (ткачиха Яковлевского льнокомбината Ивановской области): Все выступавшие до меня с этой трибуны горячо одобряли *неутомимую преобразова-*

¹⁸ П. Серию, *Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций* // П. Серию (ред.), *Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса*, Прогресс, Москва 1999, с. 40.

¹⁹ Пример взят из М.В. Горбаневского, *О феномене нового новояза в России начала XXI века: к постановке проблемы* // *Социальные варианты языка—VI: материалы Междунар. науч. конф.*, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород 2009, с. 6.

тельную деятельность Центрального комитета партии. Вот и я счастлива сказать свое сердечное слово. *Высокая должность ткачихи* побуждает меня сделать одно профессиональное сравнение: наша партия как опытный ткач день за днем ткёт прочное полотно нового общества, имя которому — коммунизм. (Аплодисменты.) *Нынешний советский рабочий — подлинный хозяин страны и творец*, активно участвующий в управлении производством, как справедливо говорил в своем докладе Леонид Ильич Брежнев. Советский рабочий — образован и воспитан. Труд для него не только источник заработка, но и могучее средство приобщения к светлomu товариществу, создающему самый справедливый общественный строй на земле. Это большое счастье быть частицей советского рабочего класса! И хочется высказать большую сердечную благодарность ленинскому Центральному комитету нашей партии за высокую оценку роли рабочего класса, которую дал в отчетном докладе Леонид Ильич Брежнев. (Аплодисменты).

Однако следует подчеркнуть, что советский новояз — это не единственный язык советского периода, а официальный язык тоталитарного общества, так как параллельно с ним существовал и «обычный» русский язык для живого общения²⁰. Об этом речь пойдет ниже.

2.2. ОБЫДЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

В советский период параллельно с официальным ритуальным языком существовал неофициальный обыденный русский язык, который включал в себя и социальные диалекты, такие как диссидентский, обывательский, «потаенный»²¹. Именно этот

²⁰ Здесь употребление термина «язык» довольно условно. Новояз не может быть назван языком в лингвистическом значении этого слова, так как не имеет собственной фонетической и грамматической системы. По мнению Э.И. Хан-Пира, новояз скорее лексико-семантическая система и социолект. Э.И. Хан-Пира, *Советский тоталитаризм и русский язык* // О.А. Полетаева и др. (ред.), *Национально-культурный компонент в тексте и в языке*, ч.1, Універсітэцкае, Минск 1994, с. 16–17. Для характеристики новояза Михал Гловиньский предлагает термин «квазиязык». Он считает, что хотя в Польше *nowomowa* родилась в политической публицистике, она претендовала на универсальность, стремясь подчинить себе другие сферы языка как образец более широкого общения. M. Głowiński, *Nowomowa po polsku*, Wydawnictwo PEN, Warszawa 1991, с. 9–10. Присоединяясь к вышеупомянутым позициям, мы характеризуем новояз как политический социолект, хотя, в отличие от всех прочих социолектов, новояз охватывал довольно большую сферу употребления.

²¹ Ю.А. Бельчиков, *Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны*, «Филологические науки» 2000, № 6;

неофициальный язык во многом носил антитоталитарный характер²². Критическое отношение к ритуальному языку у его носителей Максим Кронгауз связывает с сутью самого ритуала. Дело в том, что ритуал подразумевает стороннего наблюдателя, который и квалифицирует некое действие как ритуал. Одно из благоприобретенных свойств советского человека состояло в том, что он мог ощущать себя и участником ритуала, и внешним наблюдателем одновременно²³. Иными словами, советский человек, принимая участие в ритуале, одновременно и оценивал его как посторонний.

В обыденном языке большую долю занимали так называемые политические анекдоты, которые высмеивали мифы тоталитарного режима. Понятно, что в официальном ритуальном языке каламбурные и игровые элементы вычеркивались, и потому в неофициальном языке они, наоборот, использовались все чаще. И не только игровые. Вместе с языковыми играми, осуществляемыми с помощью разных механизмов, еще и сквернословие, ирония, просторечие и сленг, которые были категорически запрещены в официальном дискурсе, стали особыми маркерами антитоталитарности, т.е. антиритуальности.

Наталья Купина рассматривает на материале политических анекдотов формы и средства языкового протеста²⁴. Эти процессы проявляются в деформации ключевых единиц тоталитарного языка — клише, аббревиатур, прецедентных текстов и т.д. Рассмотрим наиболее частотные приемы деформации тоталитарных символов.

Переосмысление аббревиатур: Произвольная расшифровка аббревиатуры снимает официальную идеологическую коннотацию. Тем более большое количество аббревиатур ока-

---

С.Ю. Данилов, *Жанр проработки в тоталитарной культуре // Стереотипность и творчество в тексте*, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь 1999; Э. Лассан, *Дискурс власти и унакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ*, Издательство Вильнюсского университета, Вильнюс 1995; Г.Г. Почепцов, *Тоталитарный человек. Очерки тоталитарного символизма и мифологии*, Глобус, Киев 1994.

²² А. Вежбицка, *Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны*, «Вопросы языкознания» 1993, № 4.

²³ М.А. Кронгауз, *Бессилие языка в эпоху зрелого социализма...*, с. 78–79.

²⁴ Н.А. Купина, *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*, Издательство Уральского университета, Екатеринбург 1995, с. 98–123.

зывается непонятным для широкого круга лиц (например, Мособлжилуправление, Союзглавцветметуглекомплект) и предоставляет возможность для иных расшифровок.

(2) Что такое РСФСР? — Редкий случай феноменального сумасшествия России. — Что такое РКП (б)? — Россия кончит погромом. — А ВКП (б)? — Все кончится погромом. — Ну, а <б> в скобках? — Большим погромом.

Семантическое преобразование ключевых слов тоталитарного языка: Ключевые слова тоталитарного языка отражают идеологические концепты. Поэтому их употребление в сниженных контекстах запрещается. Однако, в политических анекдотах они подвергаются семантическому преобразованию. Например, миф о коммунизме как обществе материального изобилия постоянно подвергался высмеиванию.

(3) За что тебя из партии исключили? — На политзанятии говорили, что при коммунизме будет много денег, мяса, масла, а один поправил: Денег при коммунизме не будет. — Я и спросил: А мяса и масла тоже?..

Деформация прецедентных текстов: Средством языкового сопротивления является и прием деформации прецедентных текстов, например, лексическая замена одного из слов, словосочетания или предложения.

(4) Воскрес Маркс и попросил дать ему выступить по радио. Добившись своего, он горестно произнес: Пролетарии всех стран, извините.

2.3. НЕКОТОРЫЕ АРГУМЕНТЫ К ДИГЛОССИИ МЕЖДУ РИТУАЛЬНЫМ И ОБЫДЕННЫМ ВАРИАНТАМИ ЯЗЫКА

Для диглоссии характерны: 1) функциональное распределение языков; 2) кодовое переключение, связанное с изменением ситуации общения; 3) искусственный характер овладения престижным языком. Ниже мы посмотрим, как эти свойства диглоссии проявляются в языковой ситуации советского периода.

1) Функциональное распределение форм языка

Для диглоссии характерно функциональное распределение форм языка, когда одна из них используется в высоких, небыто-

вых сферах, а другая, напротив, возможна только в повседневном общении и некоторых жанрах письменности.

В советский период наблюдается четкое функциональное распределение официального ритуального языка и быденного языка. Как метко выразился Максим Кронгауз, в речах, газетах и на партсобраниях царил новояз, на кухнях и во дворах — разговорная речь, литературная или просторечная в зависимости от речевой ситуации и ее участников²⁵. При этом политический ритуальный язык и язык реального общения почти не взаимодействовали между собой, поскольку относились к разным ситуациям общения. Такое раздвоение, разграничение существует не только в языке, но и в самой жизни. Высокие идеалы при обсуждении в официальной печати, на партийных и комсомольских собраниях и поведение людей в реальной жизни не имели между собой ничего общего. В связи с этим Александра Ворожитова пишет, что диглоссия советского периода носит характер скорее всего идеологической диглоссии: советская языковая личность свободно переходит с «советского» языка на «человеческий» язык в зависимости от ситуации общения (официальная/неофициальная)²⁶.

2) Переключение кодов

Для диглоссии характерно переключение кодов или регистров в зависимости от ситуации общения. При смене ролей, сцены или темы общения советский человек переходил с ритуального на быденный вариант языка или наоборот. При этом действуют особые сигналы, маркирующие изменение функциональной сферы и соответствующий переход от одного языка к другому. Одним из таких маркеров является «серьезность» ритуала, добавляющая изменение выражения лица, голоса, позы. Пример переключения кодов можно найти в рассказе Александра Яшина *Рычаги* (1956). Там колхозники, собравшись в правлении колхоза, беседуют о том о сем на фамильярном, быденном регистре. Но в какой-то момент один из них, секретарь парторганизации, объявляет ритуал открытым. И все герои автоматически переходят на официальный регистр.

²⁵ М.А. Кронгауз, *Язык мой, враг мой*, «Новый мир» 2002, № 10, с. 92.

²⁶ А.А. Ворожитова, *Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика*, вып. 2: *Язык и социальная среда*, Издательство ВГТУ, Воронеж 2000, с. 26.

(5) Наконец, пришла и учительница, Акулина Семеновна, — молодая, низкорослая, почти девочка. [...] С ее приходом немного оживился и Ципышев. Но это его оживление выразилось в том, что он преувеличенно строго, по-начальнически заговорил с учительницей: — Ты что это, Акулина Семеновна, всех ждать заставляешь? Акулина Семеновна виновато посмотрела на Ципышева, на Петра Кузьмича, потом на горшок с окурками, на лампу и опустила глаза. — Ну... задержалась... в школе. Вот, Петр Кузьмич, [...] я бы хотела до начала собрания решить вопрос. В школе дров нет... — О делах потом, — оборвал ее Ципышев, — сейчас собрание проводить надо. Райком давно требует, чтобы в месяц два собрания было, а мы и одного сговориться запротоколировать не можем. Как отчитываться будем? [...] Но все промолчали. Тогда голос Ципышева окончательно приобрел твердость и властность. Что произошло? Борода его расправилась, удлинилась, глаза посуровели, в них исчез живой огонек, который поблескивал в минуты простой дружеской беседы. [...] Когда за притихшей Марфой тихо закрылась дверь, Ципышев встал и произнес те самые слова, которые в подобных случаях произносил секретарь райкома партии, и даже тем же сухим строгим и словно бы заговорщицким голосом, каким говорил перед началом собраний секретарь райкома: — Начнем, товарищи! Все в сборе? Сказал он это и будто щелкнул выключателем какого-то чудодейственного механизма: все в избе начало преображаться до неузнаваемости — люди, и вещи, и, кажется, далее воздух.

Переключение кодов также часто происходило и в бане, так как она считалась местом освобождения от ритуального языка, причем не только для рядовых жителей СССР, но и для партийной элиты. При этом в качестве языковых сигналов, маскирующих кодовое переключение, могло функционировать обильное сквернословие, недопустимое в торжественных ритуалах. Максим Кронгауз пишет, что мат был специальным знаком «неофициальности» и «свойскости». Расслабляясь с коллегами в бане, как будто следовало материться. Для интеллигенции же мат был символом свободы и нес дух раскрепощенности от официальной политической религии — тоталитаризма²⁷. Интересно отметить, что употребление мата в СССР несколько напоминает ситуацию в Древней Руси, где мат использовался, в частности, в специальных антихристианских обрядах, т.е. в особой андеграундной языческой культуре, существовавшей параллельно с христианской.

Сказанное подтверждает исследователь русского мата Татьяна Ахметова:

В партийных кругах легкий матерок всегда считался хорошим тоном и проявлением демократизма. Льва Троцкого Ленин за глаза называл «б...»

²⁷ М.А. Кронгауз, *Бессилие языка в эпоху зрелого социализма...*, с. 80.

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ДИГЛОССИИ...

и «проституткой», а Молотова величал «каменной жопой». Товарищ Сталин не стеснялся накладывать матерные резолюции, хотя в секретариате у него работали женщины. На кремлевских банкетах он частенько затягивал матерные частушки. А Хрущев прославился тем, что назвал художников-абстракционистов «педерасами». Леонид Брежнев сильно ругался во время охоты. Кстати, среди брежневского окружения мат считался вторым языком. [...] Интеллигентный Михаил Горбачев, как ни странно, ругался крепко и сочно²⁸.

3) Искусственное овладение престижным языком

В диглоссии высокий, престижный язык обычно изучается искусственным путем, им нельзя овладеть естественным путем, например, в семейно-бытовом общении, поскольку такой язык не используется в обиходе. В советский период публичный, официальный язык начинали осваивать с самого раннего детства в таких организациях социализации, как пионерская организация или школа. Как отмечают ученые, пионерская организация не только осуществляла массовую индоктринацию, но и приучала детей к советским ритуалам, советскому официальному языку²⁹. В результате этого переключение с приватного языка на публичный происходило автоматически и переставало осознаваться как таковое.

3. ВЫВОД

В данной статье мы попытались показать историческую преемственность советской языковой ситуации в рамках диглоссии. Диглоссия характерна для религиозных обществ, где одна форма языка используется в высоких, религиозных сферах общения, а другая форма — в низких, бытовых сферах общения. Поэтому диглоссия связана с особым, во многих случаях, сакрализирующим отношением к языку. Мы считаем, что подобный подход наблюдается не только в случае церковнославянского языка до-революционной эпохи, но и в случае официального ритуального языка советского периода, поскольку тоталитаризм по сути своей был политической религией. Следовательно, в советский

²⁸ «Московский комсомолец» 22.08.2003, <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2003/08/22/128392-na-tri-bukvyi.html> (14.06.2016).

²⁹ И.В. Кукушкин, М.Л. Майофис, П.А. Сафронов, *Острова утопии. Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)*, Новое литературное обозрение, Москва 2015, с. 54.

период существовало четкое функциональное распределение между официальным ритуальным языком и обыденным языком, который в определенной степени носил антитоталитарный характер.

Попутно отметим, что сакральность официального политического языка подтверждается еще и пуристической языковой политикой советской власти. Языковой пуризм — это стремление очистить язык от иноязычных слов и разного рода новообразований. Чистота языка была одной из идеологем советской власти и борьба за чистоту языка представляет собой основную часть языковой политики советской власти. Подчеркнутое внимание руководства советской власти к языку безусловно было связано с сакрализирующим отношением к официальному языку³⁰.

В связи с исторической преемственностью советского языка также интересно отметить, что соотношение между национальными языками республик СССР и русским языком как единым официальным языком Союза было несколько похоже на соотношение между русским языком и французским языком как языком русского дворянства в XVIII–XIX веках.

Переход советской языковой ситуации в постсоветскую языковую ситуацию станет предметом дальнейшего исследования.

Данная статья оформлена на основе текста доклада, прозвучавшего на конференции «The 7th East Asian Conference on Slavic-Eurasian Studies» (Shanghai, China, 24–24.09.2016)

Nam Hye Hyun

PROBLEM DWUJĘZYCZNOŚCI W OKRESIE RADZIECKIM

Резюме

Artykuł poświęcony jest zagadnieniu dwujęzyczności w okresie radzieckim. Jest ona charakterystyczna dla społeczeństw religijnych, kiedy jedna forma języka wykorzystywana jest w wysokich, religijnych sferach komunikacji, zaś druga w niskich, codziennych relacjach. Dlatego też dwujęzyczność w wielu przypadkach związana jest z sakralnym stosunkiem do języka. Tego rodzaju podejście daje się zaobserwować nie tylko w przypadku języka cerkiewnosłowiańskiego w okresie

³⁰ О пуристической языковой политике советской власти см. Нам Хе Хен, *Языковой пуризм и его социальный смысл: на примере языковой политики СССР // Far East, Close Russia: The Evolution of Russian Culture — A View from East Asia*, Лорос, Belgrade–Seoul–Saitama 2015.

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ДИГЛОССИИ...

przedrewolucyjnym, lecz także w przypadku oficjalnego rytualnego języka epoki radzieckiej, gdyż w istocie totalitaryzm był swego rodzaju polityczną religią. W tym czasie istniało bowiem także wyraźne funkcjonalne rozgraniczenie między rytualnym językiem obiegu oficjalnego i językiem codziennym, który w określonym stopniu posiadał charakter antytotalitarny.

Nam Hye Hyun

THE DIGLOSSIA IN THE SOVIET PERIOD

Summary

This article is devoted to study the diglossia in the Soviet period. Diglossia is typical for the religious societies where one form of the language is used in high, religious spheres of communication, and the other form — in informal, everyday spheres of communication. Therefore, diglossia is associated with a sacred relation to the language in many cases. A similar approach is observed not only in the case of Church Slavonic in the pre-revolutionary era, but also in case of the official ritual language in the Soviet period, as the totalitarianism was inherently a political religion. As a result, during the Soviet period there was a clear functional distribution between the official ritual language and everyday language, which in a certain degree had an anti-totalitarian character.